

Мороз Степаныч

161

новогодняя быль

— 21

– И ЗАПОМНИ самое главное!

Володя, бессменный завмуз нашего театра, нервно глянул на часы. Директриса, в своей излюбленной роли злодейки-судьбы, в кои-то веки раздобыла для ключевых сотрудников горящую путёвку, и притом аккурат под Новый Год.

Завмузы областных театров с судьбою спорят редко, поэтому теперь Володя спешно обучал меня азам звукооператорской профессии, которую и в больших, и в малых театрах именуют лаконично – «радист».

Ни он, бывший ди-джей из клуба филофонистов Молодёжного центра, ни я, которому нужно было перекантоваться годик после армии, в ту пору ещё не предполагали, что завтра изменится многое. Мой сменщик, пожилой и глуховатый люмпен Анвар безотзывно запьёт, и одновременно неожиданно заболит Пётр Фадеич, центральная фигура представления. В результате областной театр кукол останется без Деда Мороза и с единственным звуко-

оператором-стажёром накануне новогодней кампании. А это – четыре полноценных ёлочных представления в день на протяжении двух каникулярных недель.

– Запомни самое главное. Никакого навесного монтажа! Все клейки ленты – только на монтажном станке. Иначе лента будет рваться.

Володя сунул мне под самый нос станок – узкий пенал со стальными зажимами для магнитной ленты. С одной стороны наложил обрывок фонограммы, с другой – полоску цветной ленты-ракорда. Полоснул узким лезвием под сорок пять градусов, ловко и артистично, так что мне почему-то отчётливо представился узор папиллярных линий на собственном пальце, просто фрейдизм какой-то! – и аккуратно наложил кусочек скотча. Щёлк – зажимы отскочили, и завмуз вручил мне ленту, надёжно склеенную с ракордом.

– И только так! – отчески напутствовал он меня. После чего наскоро по-

От автора:

В основу сюжета этого рассказа положены реальные драматические события, случившиеся в бывшем Казанском театре кукол зимой 1985 года. Многие годы их истинная подоплёка оставалась тайной. Имена некоторых героев по этическим соображениям изменены

прощался и умчался на вокзал, чтобы успеть к отходу поезда.

А я остался один на один со звукооператорской, набитой проводами, усилителями и древними катушечными магнитофонами всех времён и народов.

К тому времени я проработал в театре уже целую неделю.

Ремесло театрального радиста нехитрое: после определённой фразы актёра либо смены картины включаешь очередной фрагмент фонограммы спектакля. Катушка с лентой крутится, пока не покажется цветной ракорд следующего музыкального кусочка. Жмёшь на магнитофоне «паузу», лениво слушаешь в наушниках всё происходящее на сцене и занимаешься своими делами в ожидании очередной контрольной фразы актёра.

Как правило, во время спектакля я предпочитал неторопливо и сладострастно откручивать детали со старой аппаратуры – успокаивает нервы после репетиций с нашими оглашёнными режиссёрами. И уже к концу недели скопил приличный набор плашек, гаечек, винтиков и другой полезной в хозяйстве чепухи.

Поэтому, узнав наутро, что Анвар загулял и мне предстоит крутить по четыре ёлки в день, я поначалу не сильно расстроился. К тому же Карабасовна – так за глаза прозывали директрису актёры и монтажники – туманно намекнула мне на перспективу получения двойной ставки – «а-полторы-уж-точно». И я, воодушевлённый и полный энтузиазма, приступил к репетиции новогоднего представления. К слову сказать, до него оставалось два дня, и нужно было погонять ёлочную интермедию с музыкой и срочно ввести нового Деда Мороза.

По слухам, его сманил наш администратор на время ёлочной кампании из какой-то клубно-заводской самодеятельности. И оно того стоило!

Заводской Властелин метелей и пурги выглядел на все сто даже без грима.

Николай Степаныч с невероятной фамилией Морозов оказался плечистым, кряжистым и кустистым по части бровей мужчиной. При такой потрясной фактуре он вдобавок ещё и обладал звучным, раскатистым голосом, от кото-

рого на репетиции поначалу вздрагивали не только пираты, черти, империалисты и прочая ряженая нечисть, но даже и сторонники добрых сил в лице зайцев, пионеров, снежинок и буратин.

Снегурочка, пожилая, но опытная Софья Павловна Мармеладова, заслуженная областная актриса, тоже задумчиво косилась на своего громоподобного напарника. Зато играть с ним было одно удовольствие. Николай Степаныч был поистине великий партнёр. Он всё делал сам.

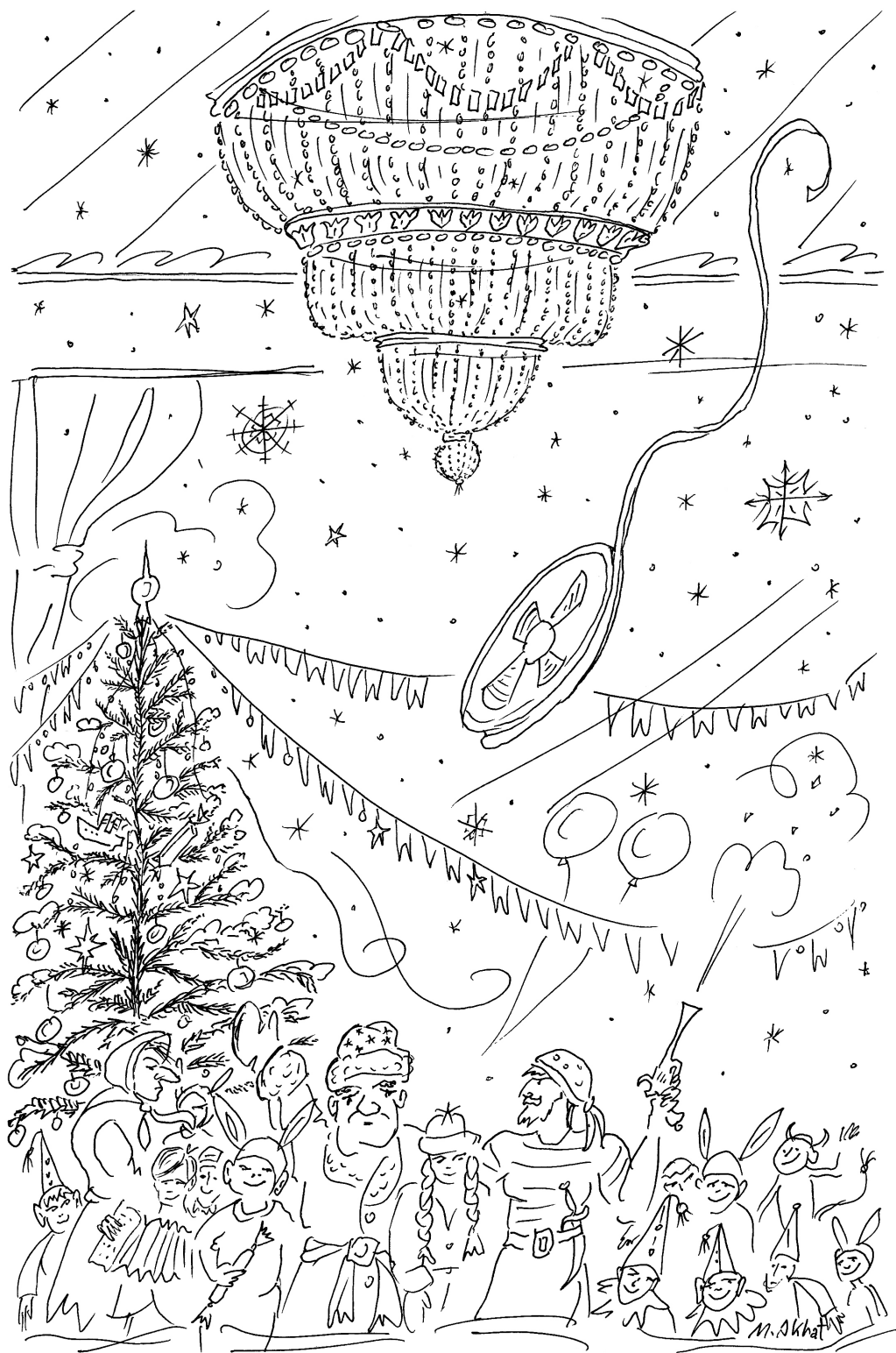
Достаточно было только увидеть, как он торжественно появляется из дверей гримёрной, величественно потрясая посохом и для пущей убедительности потряхивая мешком с подарками, как ты сразу проникался к снежному Деду благоговением. Оно пробирало тебя буквально до костей, подобно лесному морозцу, несмотря на текст, который порою звучал из его заиндевелых уст.

Морозов оказался большой фронтдёр и творчески относился к сценарию, позволяя себе вносить мелкие правки в сюжет. Единственно, на чём твёрдо настаивал бледнеющий с каждой минутой режиссёр – это на стихотворных моментах, поскольку они несли на себе основную идеологическую нагрузку.

Завершался восемьдесят четвёртый год, генсеки начали сменяться с головокружительной быстротой, и все идеологические моменты в ёлочном сценарии скрупулёзно отслеживал парторг театра с честным прозвищем Чекист. Фамилию его я так и не сумел запомнить. Чекист, разумеется, был в курсе своего прозвища, сдержанно гордился им и регулярно курировал новогодние спектакли, привнося в сюжет злобу политического дня.

Вот и сейчас Николай Степаныч, прохаживаясь окрест ёлки и милостиво кивая жавшимся к стволу Бабе-Яге с Кошцеём, мощно басил из-под бороды:

**Я летел на крыльях ветра
мно-о-о-го тысяч километров!
Над великою страной,
где мосты как в сказке строят!
Я спешил, ребята, к вам –
моим маленьким друзьям!**

Репетиция прошла на подъёме, и во многом благодаря приглашённой звезде, уверенно руководящей актёрами. Теперь режиссёр буквально млеет и фактически закрывал глаза на мелкие правки Мороза. К тому же Николай Степаныч был скрупулёзен и педантичен во всём, что касалось главного: я своими глазами видел, как в перерыве он на глаз прикидывал расстояние от центра фойе, где располагалась наряженная красавица-ёлка, до дверей зрительного зала. Этим путём по окончании театрализованной интермедии помреж и скоморохи вводили из фойе весь ребячий хоровод в зал. Там всех ожидал ещё спектаклик, как правило, короткий и скромный, с перчаточными и тростевыми куклами.

Закончив работу и заперев комнатку операторов, я зашагал через всё фойе к лестнице, ведущей на первый этаж. Однако, проходя мимо гримёрной, случайно услышал звучный бас, который теперь уже не спутал бы ни с чьим. И в ответ из-за двери тут же раздался оживлённый гул многих голосов.

Это было что-то новенькое. И я осторожно потянул дверную ручку.

Гримёрка была полна народу. Здесь собрались практически все артисты, занятые в интермедии. На меня покосился лишь Николай Степаныч.

– Это Вадик, наш радист. Он ещё новенький, Степаныч, – поспешил заступиться за меня Данил Потехин. У него всегда были добрые и грустные глаза, поскольку он всю жизнь в этом театре играл Второго Зайца без всякой перспективы на Первого.

– Ладно, – кивнул Мороз Степаныч, как я мысленно тут же окрестил этого матёрого человечу. И, по-моему, он сразу потерял ко мне интерес.

Я присел в уголке, под вешалкой, и стал слушать. Говорили тут о вещах неслыханных, для меня во всяком случае. И мне лестно было уже ощущать себя частичкой актёрского братства, замыслившего маленькое жульство в защиту собственных интересов. Верховодил здесь, разумеется, Мороз Степаныч, который в отличие от меня меньше всего походил на новичка.

– Я тут засёк время последнего про-

гона, – солидно сказал он. – Получилось аккуратно один час десять минут. А как у нас с расписанием?

– Оглашаю, – кивнул помреж Саша Карпухин, бригадир скоморохов, которые своей сосредоточенностью и деловитостью при организации детей в хоровод вокруг ёлки напоминали мне судебных исполнителей. Саша знал всё, что от него требовалось, был на отличном счету у начальства и притом умудрялся не скатиться до стукачества. Актёры его за это уважали.

– Новогодние представления пройдут с двадцать шестого декабря по десятое января включительно. С перерывом на первое января. Тридцать первого – только утренний и, возможно, дневной спектакли.

– А расписание? – жалобно пискнула травести Майечка, исполнявшая роли пионеров и вызывавшая в родителях детей искреннюю жалость своими тощими ножками.

– Внимание! – кивнул Саша. – Начало новогодних представлений – в десять, двенадцать, шестнадцать и семнадцать часов тридцать минут.

– А последний спектакль на четырнадцать часов перенести не могли? – раздался чей-то возмущённый голос.

– Перерыв на обед, по трудовому законодательству, – невозмутимо произнёс Саша. – Кроме того, в обеденное время предусмотрен резерв на возможные коммерческие ёлки.

И он почтительно посмотрел почему-то именно на Степаныча. Как тот успел за полдня создать себе такой могучий авторитет, я просто диву давался. Поистине, какое-то первобытное, языческое обаяние исходило от этого человека!

– Значит, загвоздка, прежде всего, в последнем, вечернем спектакле, – постановил Степаныч. – Положим, представление мы наиграем, подсократим маленько. Но вопрос: до какой степени? Перед последним выходом у нас остаётся пока в теории лишь двадцать минут передышки. А туда ещё надо спектакль впихнуть!

– И как только они расписание составляют, фашисты... – по-бабьи всплакнул толсторожий пожилой пират Авксентий Антропыч.

– Начальству виднее, – примири-тельно откликнулся маленький и тощий Буратино Павел с античным и драматическим отчеством Лисистратович. Впрочем, все его в театре дружно звали Лизоблюдович, и, видать, было за что.

– Отставить прения, – по-военному скомандовал Дед Мороз. – Начальство тоже не дураки, понимают, что интермедия наиграется, усохнет, пойдёт динамичней. Наша задача – подсократить её разумно, до необходимых пределов.

– Простите, необходимых – кому, имеется в виду? – плаксиво уточнил всё тот пират Антропыч.

С минуту или более того Николай Степаныч задумчиво глядел на пирата, так что тот чувствовал себя очень неуютно и всё время норовил спрятаться за широкую спину помрежа Саши. После чего неожиданно тихо для своего могучего голоса ответил:

– Тебе.

А потом прибавил:

– И всем нам. Всем нам время понадобится. Если что...

И тут вся актёрская братия поутихла. Будто холодный сквознячок подул в гримёрной. Что-то было в словах этого удивительного человека, глубокое и пронзительное одновременно. И я вдруг ощутил тихий, осторожный укол в сердце. Словно первое предчувствие надвигающейся беды, что обязательно придёт невесть откуда.

А потом всё исчезло. И актёры дружно загомонили. Как на партсобрании, где разбиралось персональное дело каждого.

В итоге решено было, во что бы то ни стало сократить интермедию минут на пять. А лучше – на десять. Иначе перед последним спектаклем актёры элементарно не успевали отдохнуть и освежить грим.

Перед тем как разойтись, Мороз Степаныч подошёл ко мне. Сам подошёл, между прочим. Смерил взглядом, и опять мне почудилось, точно цапапнул по душе, теперь уже – тонким и узким лезвием бритвы. Примеряя к ней свой собственный ракорд.

– Как фонограмма, всё в порядке?

Тон его был доброжелателен, однако я его, казалось, мало интересовал в тот миг.

– Всё нормально, – пожал плечами я. И неожиданно для самого себя прибавил:

– Правда, я тут послушал... И у меня тоже есть одна мыслишка.

– Отлично, – кивнул он. – Но это позже... позже... Пока всё складывается неплохо.

И Николай Степаныч принялся надевать шубу. А я понял, что разговор окончен, и отправился домой. Правда, дорогой я решил немного прогуляться пешком. У меня и в самом деле родилась одна симпатичная идея.

На следующий день актёры приступили к последним репетициям. Все работали с энтузиазмом, в фойе вокруг ёлки царило непривычное оживление, и режиссёр был доволен. Он даже удалился в свой кабинет выпить чашечку кофе, что у него непременно сопутствовало рюмочке-другой коньяку в компании с главрежем и завлитом. А отточить последние штрихи в репетиции было возложено на помрежа.

Тут-то и закипела основная работа.

Саша стоял с хронометром, то и дело удовлетворённо поглядывая на циферблат. Тон опять задавал Николай Степаныч. Он энергично прошёл к ёлке, ещё в дверях громогласно декламируя свой приветственный спич. Царственно развернулся и отчески приобнял Снегурку. Софья Паллна в мгновение ока растаяла, расцвела, как августовский георгин, и серебристым колокольчиком рассыпала свой монолог. И пошло-поехало!

Баба-яга на пару с Кощеем трещали, как рэперы, у которых, как известно, язык без костей. Снежинки порхали как заведённые, пираты с чертями отплясывали в бешеном ритме чечётку, мелко стуча по полу бутафорскими саблями, кинжалами и хвостами на проволочных каркасах. И даже империалисты курили фальшивые сигары с удвоенной скоростью, попутно перебрасываясь, как зазятые баскетболисты, набитыми ватой мешочками со стилизованным изображением хищного капиталистического дензнака.

Казалось, актёры наперебой соревновались друг с другом, кто отыграет

свой выход быстрее, ловчее и при этом не скатившись в окончательный гротеск.

– Минус десять минут и двадцать три секунды, – торжественно сообщил по окончании прогона побледневший от распивавших его противоречивых чувств помреж Саша.

– Стоп, машина! – скомандовал раскрасневшийся Степаныч. – Чуток перебор. Сбавить обороты пиратам, империалисты – больше достоинства. Да и мы со Снегуркой частим немилосердно.

И он вновь легонько обнял партнёршу, которая немедленно принялась тихо млеть в его объятии. И сомлела бы до конца, если бы не вернулся режиссёр. Был объявлен перерыв, после чего состоялся последний прогон.

Режиссёр распустил всех до первого представления назавтра, а я сверил свои часы. Теперь интермедия заняла час и пять минут. Прогресс был налицо, и здравый смысл в сюжете соблюден, насколько это позволял сценарий.

Между тем с успехом прошло первое представление, за ним второе, и пятое миновало. Всё шло своим чередом, мы перевалили тридцать первое число, чуток передохнули в первый день нового восьмидесят пятого года и явились дальше нести свою театральную службу.

Николай Степаныч по-прежнему умело дирижировал постановкой на правах главного персонажа, чутко держа руку на пульсе действия. И предпоследний спектакль мы неизменно играли на пять, а то и на десять минут быстрее, выкраивая перед последней интермедией столь желанные минуты отдыха.

Правда, теперь в это негласное социалистическое соревнование за сэкономленные минуты и секунды включился и ваш покорный слуга. Тому было банальное объяснение и столь же простое решение.

Дело в том, что уже к десятому или двенадцатому представлению эта новогодняя история нам порядком осточертела. И если актёрам обрыдло всё это играть, то мне – даже просто крутить и слушать фонограмму интермедии стало тошно. Ведь ёлки шли подряд, по четыре в день, и от этой нескончаемой

жвачки с картонной интригой, деловитыми хороводами и перевоспитанием наиболее плохих персонажей у меня уже физически болела голова.

И я решил тоже внести свой вклад в общее дело. Мало-помалу, от спектакля к спектаклю, я принялся понемногу сокращать фонограмму. И разошёлся на славу. То вступительную увертюру урежу, то Чайковского к ритуальному «ну-ка-ёлочка-зажгись!» смикширую. Она ведь всё равно уже горит, к чему лишний хвост музыки, пусть даже и такой гениальной?

Дошло до того, что я разок даже попробовал на святое замахнуться: «В лесу родилась ёлочка» у меня добралась лишь до лошадки мохноногой. И куда она бежала-торопилась, так для всего хоровода и осталось тайной.

Поначалу актёры подтрунивали надо мной, и сердились лишь некоторые. А потом почувствовали – реальная экономия идёт, несколько дополнительных минут желанного передыха я им выкраивал. Да и надоела уже эта бесконечная фонограмма всем актёрам пуще горькой редьки!

Даже Николай Степаныч в итоге удостоил меня скупой морозной похвалы.

– Шустрый, – проворчал он. – Есть в тебе этакое рвение-горение. Огонёк махонький... Не застудишь только. Сыровато чего-то в здедсных стенах...

В итоге нам неплохо работалось, поэтому дети тоже были довольны. А потом всё, как и обычно случается в этой жизни с хорошим, закончилось крахом.

Однажды на предпоследний спектакль втихомолку заявился Чекист, как всегда, маскируясь в полутьме коридора и задумчиво улыбаясь. Однако уже в первые минуты интермедии он перестал улыбаться, резко развернулся и рысью метнулся в кабинет директрисы. Никто этого, понятное дело, не заметил.

В особенностях композиции и сценических условиях Чекист не был силён; его задачей было вовремя учуять любую подозрительность и немедленно известить об этом руководство. Он и известил.

На нашу беду Карабасовна была у себя. Она живо кликнула весь синклит

в составе главрежа, завлита, завпоста и ещё почему-то главного художника театра. Вся эта свора на цыпочках подбралась к фойе и мигом зафиксировала наши сокращения, урезки, усушки и утруски сценария.

По меткому ленинскому выражению, это было само творчество масс. И при виде его Карабасовна натурально взбеленилась. После заключительного представления состоялось общее построение творческой группы, и нам был устроен грандиозный разнос.

Обман и обмен – явления, пожалуй, одного порядка. Во всяком случае, Карабасовна предложила нам добровольно выдать зачинщиков «этой возмутительной профанации чудесной и поучительной пьесы». Мы дружно ответили ей мрачным и тупым молчанием. Только Лизоблюдович горестно ёрзал и маялся, тригически не соответствуя моменту.

Но и Карабасовна не первый год барабасила в театре. В её кабинет были категорически приглашены трое: Николай Степаныч, бедный помреж Саша и, конечно, я, чьи акустические безобразия были на слуху более всего.

Нам поставили на вид, сделали сокрушительный втык и гневно довели до сведения, что о полуторной и тем паче двойной прибавке к жалованью можно смело забыть. Напоследок пригрозили лишением премии, выговором в трудовую книжку и многозначительно пообещали позже основательно разобраться во всем и окончательно вывести нас на чистую воду. А это могло означать лишь одно – вывести из состава труппы.

Следующим было восьмое января.

Как на беду, навалилась ещё сверхплановая коммерческая ёлка в 14.00, и все основательно вымотались. Даже бутерброды не радовали, а о выпивке не могло быть и речи. После вчерашнего народ был мрачен и неразговорчив.

В 15.40 я заглянул в фойе и ужаснулся. Детей пришло семьдесят пять душ, и ввиду такого наплыва ребятни родителей даже не пустили наверх, дабы не создавать хороводу толчеи. Крайне недовольные, папы и мамы жались на лестницах или пробавлялись пустым чаем в буфете. Наиболее предприим-

чивые уже получили подарки и теперь гоняли чай по-дворянски – с конфетами.

Нас ожидали ещё две ёлки, а в актёрских рядах и без того царило уныние. Напрасно я крутил в фойе задорные детские песенки, а Николай Степаныч нет-нет да и подкреплял боевой дух труппы крепким ядрёным словцом.

Не помогла даже моя вылазка под ёлку, где ожидали своего часа две большие ростовые куклы козы и медведя, с которыми работали скоморохи. Обоим бутафорским животным я незаметно сложил лапы в кукиши – это удобно, поскольку на поролоновых руках ростовых кукол обычно делают всего три пальца; видимо, считается, что их вполне достаточно для любой жестикуляции в детских спектаклях.

Помреж Саша раскусил мою шутку на раз и даже не улыбнулся, задумчиво возвращая кукольные пальцы в пристойное состояние. И тут я увидел в дверях Николая Степановича. И натурально обомлел.

Сказать, что он был встревожен, это значит – попросту отмолчаться. Повелитель пурги был вне себя: его лицо выражало тихое отчаяние и такую безнадегу, что я рысцой бросился к нему.

– А, Огонёк... – отрывисто бросил он, не сводя глаз с ёлки. – Плохо наше дело.

– Что случилось, Николай Степаныч? – пролепетал я.

– Ещё не случилось, – покачал он головой. – Но чует моё сердце – уже грядёт. А что – не знаю.

Он обвёл тоскливым залом фойе, рассеянно кивнул Саше, который нёс скоморошью вахту у ёлки, и несколько раз закусил губу. Я ещё никогда не видел, чтобы человек делал это пять раз подряд!

– Вот что, Огонёк, – обернулся он ко мне. У Степаныча сейчас были страшные глаза – холодные, больные, как у снулой рыбы. В них просто не было огня Деда Мороза!

– Будь там готов, у себя, – велел он. – Играть будем по-старому. По-нашему то есть. Без лукавства и лишних слов.

Я опасливо оглянулся. И вовремя: в коридорах как голодные волки про-

гуливалась вся придворная камарилья с Карабасихой во главе. Я мысленно примерил им папье-маше волчьих и лисьих масок – убедительно получилось.

– Не сносить нам голов, Николай Степаныч, – покачал я своей.

Он зыркнул на меня округлившимся глазом, точно впервые увидел.

– То не беда, – возразил он, прислушиваясь к первому звонку. – Будь готов ко всему, в общем. И вот что ещё, Огонёк...

Он вдруг положил руку в красной рукавице мне на плечо, глянул орлом, подбоченился.

– Никогда не просил – теперь прошу. Коль не дрейфишь – помоги. Не все актёры нынче со мной будут. Поэтому покрути музыку, как раньше крутил, покруче. Ничего объяснить не могу сейчас, сам ещё не ведаю. Но что-то неладное сердце чуёт. Помоги, лады?

Несколько мгновений мы молча смотрели в глаза друг другу. За это время я мысленно попрощался со своей премией, зарплатой и всей театральной карьерой. Но – удивительное дело! – у меня и в мыслях не было не исполнить веление Морозова.

Такого спектакля я не припомню за всю новогоднюю кампанию.

Половина труппы усердно гнала свой текст, заискивающе косясь на коридоры, в которых алчно горели волчьи и лисьи глаза.

Сторонники же Степаныча работали достойно, без лукавства: лаконично и потому ярко, общаясь с детьми на их языке и позабыв о лозунгах и форумах. Отринул суету и я, видя как конформисты затягивают действие. Решительно обрезал хвосты, сводил на нет долгие фанфары, сокращал музыку на выходы и спокойно микшировал последние куплеты.

«Ёлочка», таким образом, добралась опять лишь до мохноногого непарнокопытного; танец утят плавно перешёл в куплеты скоморохов; госпожа-метелица кружила лишь пятнадцать секунд «Магнитных полей» Мишеля-Жарра, и даже на выход империалистов я зарезал половину роскошного чёрного джаза Диззи Гиллеспи.

В мою дверь уже давно скреблись лисы, колотили и ломались начальственные волки, а из пустого пока зала в окошко радиста требовательно постукивала явно сама Карабасовна.

Но дверь и окошко звукооператорской были на замке и шпингалете – я сам запер их перед началом интермедии недрогнувшей рукой. Всё происходившее в фойе я слушал в наушниках, ловивших чувствительные электретные микрофоны над ёлкой.

Этой же рукой я уверенно вёл фонограмму интермедии к финалу. А свою театральную карьеру – к ее логическому концу. Но перед моими глазами всё время стоял Николай Степаныч. Он просто стоял и смотрел на меня, одобрительно кивая головой, и мне было легко и покойно, и плевать на всё остальное.

Наконец интермедия завершилась. Я слышал, как топал и шумел ребячий хоровод, ведомый Сашей и скоморохами в зал, где всех ждал кукольный спектакль на сцене. Стук в мою дверь к тому времени давно прекратился, но иллюзий я не питал. Открыв окошко, я смотрел, как в зал входили первые дети, рассаживаясь по местам под бдительным оком администраторов. Мелькнула у сцены Карабасовна, но даже не глянула в мою сторону. Небось, отправилась вершить расправу в актёрские гримёрные.

Саша со своей скоморошьей ватгой быстро заводили зрителей. Пожалуй, минуты через две можно начинать спектакль. Я зарядил его бобину на верном друге – магнитофоне «Илеть», рассеянно прислушиваясь к голосам и шарканью ног в фойе.

Уже было я собрался переключить коммутатор с фойе на зал, как вдруг...

В «ушах» раздался страшный грохот, что-то тяжело упало на пол, покатились; затем ещё и ещё. Это было так громко, ужасно и самое главное – невероятно, что в первую минуту я был просто возмущён. Что они там творят в фойе, идиоты?!

Я выскочил из звукооператорской и помчался по коридору за угол, где началось фойе перед зрительным залом.

И вдруг остановился как вкопанный, не веря своим глазам!

Над фойе обвалился потолок. Трудно было разглядеть что-то, вокруг стояли облака пыли, а фойе густо завалило камнем и штукатуркой. В жёлтом тумане я как сомнамбула перешагнул через новогоднюю ёлку – она лежала на полу, сломанная, с расщепленным комлем, от которого исходил тревожный запах смолы и свежей древесины. Я замер в растерянности. Куда же подевалось более полусотни детей, которые только что с весёлыми криками и смехом водили здесь хоровод!

В тот же миг отворилась дверь зрительного зала, и оттуда опасно выглянула голова испуганного Саши.

– Закрывай дверь! – благим матом заорал кто-то из начальства, тоже едва выглядывая из-за угла. – И начинайте спектакль немедленно, слышишь!

Дверь тут же захлопнулась. Я помчался обратно, включать музыку в зал. А по лестнице, снизу, прорвав кордон Чекиста и завлита, уже остервенело лезли в фойе обезумевшие родители.

– Можно только богу молиться, что Карпухин и администраторы успели завести детей в зал, – завершила своё краткое выступление на экстренной летучке Карабасовна. – Ещё каких-нибудь пара минут, и в фойе было бы просто...

Она замолчала, подбирая нужное слово.

– Просто месиво! – с чувством выразилась, наконец, директриса.

На этом наша экстренная летучка закончилась. Выяснилось, что действительно обвалился потолок над большей частью фойе. И при этом ни одна живая душа не пострадала! Саша успел-таки к тому времени завести всех детей в зал. Спасло от многочисленных жертв ещё и то, что на этом спектакле было слишком много ребят, и родителей в фойе не пустили. Лишь потом они неукротимо просочились в зал, дабы убедиться, что их дети целы и невредимы.

Спектакль доиграли кое-как, а потом зрителей вывели на лестницу, осторожно ступая меж бетонных булыг и разби-

тых досок. Театр закрывался на ремонт, и новогодняя кампания, таким образом, завершилась досрочно. Подведение итогов было многозначительно обещано Карабасихой через две недели нашего вынужденного отпуска.

В тот миг я поймал на себе взгляд Николая Степаныча. На его лице уже угасла былая тревога, и оно выражало лишь усталость, как у человека, только что завершившего порученное ему какое-то очень важное дело. Но к тому времени мне уже было не до Морозова.

Странная, невероятная мысль не давала мне покоя в течение всей летучки. И, едва дождавшись его окончания, я поскорее вышел из директорского кабинета и опрометью кинулся в свою комнату.

Нужно было всё досконально проверить. Я рывком сдёрнул бобину спектакля, заправил фонограмму интермедии и перемотал на начало. А потом снял с руки часы, подвинул ближе карандаш с блокнотом, надел «уши» и включил воспроизведение.

Мимо кабинки радиста проходили работники театра, переговаривались, обменивались мнениями относительно причин едва не случившейся трагедии. В фойе, наверное, уже работала милиция или следователь прокуратуры. Но я не слышал никого и ничего. Я вымерял каждый фрагмент фонограммы, от первого звука до начала очередного цветного рапорта. С точностью до секунды. А потом минусовал длительность музыки, которую я сегодня сокращал, по просьбе Николая Степановича и по собственному желанию.

Наконец плёнка кончилась. Четыре минуты семнадцать секунд – это было время, на которое я сократил сегодня ёлочное представление, ставшее последним.

Потом я долго смотрел в замёрзшее окно, за которым давно сгустились январские сумерки. Мне было холодно, душа казалась пустой, чистой и прозрачной, как свежее вымытое окно. Я думал о тех двух минутах, за которые попреж

Карпухин сегодня увёл детей в зрительный зал. Ну, может, их было две с половиной. Об остальных двух минутах, в течение которых хоровод оставался бы ещё в фойе, не сократи я фонограмму, я изо всех сил старался не думать.

И тогда в дверь моей комнатки постучали. Негромко, но уверенно. Там словно знали, что я здесь. А мне было уже всё равно.

Я отпер звукооператорскую.

На пороге стоял Николай Степаныч.

– Огонёк... – тихо сказал он. Но мне показалось, что в пустом коридоре его слова вдруг прогремели на весь театр. И театр вздрогнул и содрогнулся всеми стенами и потолками. И лишь сцена осталась незыблемой. Потому что она, наверное, видала и не такое.

– Спасибо тебе, – сказал Степаныч. И вдруг... поклонился. Низко, но с достоинством, как это бывает только с честным человеком, у которого с души упал камень.

И в тот же миг его кончики волос, брови и даже ресницы вдруг осеребрило! Сверкнул морозный иней на пуговицах шубы, по которой весело разбежались тонкие ледяные иголочки. А в глазах ожили яркие и весёлые огоньки. Ну, наверное, наврODE того, как он называл меня, уж не знаю почему. Только у Степаныча их было два.

Я так и обмер, чувствуя, что крыша едет уже бесповоротно.

– Кто вы?

Он грустно усмехнулся, шагнул ко мне и неожиданно подмигнул. А потом приложил палец к губам и шепнул доверительно:

– Тс-с-с...

Быстро, почти воровато оглянулся, точно кто-то мог нас увидеть и услышать в темноте пустого фойе. И затем медленно, тщательно выговаривая слова, Николай Степанович произнёс, словно припоминая давно забытую детскую считалку:

Я летел на крыльях ветра
мно-о-о-го тысяч километров!
Над великою страной,
где мосты как в сказке строят!
Я спешил, ребята, к вам –
моим маленьким друзьям!

– Мороз Степаныч... – выдохнул я.

И дальше уже не мог выговорить ни слова.

Николай Степаныч хлопнул меня по плечу и тихо прибавил:

– Пора мне. А ты оставайся. Спасибо ещё раз. И... побереги свой огонёк, приятель! Мало ли что...

Потом повернулся и просто шагнул во тьму. И она не замедлила укрыть его под своими сводами.

Вот и всё.

Остаётся добавить немногое.

Николая Степановича я с той поры больше не встречал. В театр он не вернулся, в городе его никто никогда не видел, а вскоре и я уволился, отправился в иные пенаты в поисках ведомственного жилья. С собой на память я захватил из театра только пластмассовую коробочку с цветными ленточками ракордов, сам не знаю почему. Она и сейчас где-то пылится среди книжных полок.

Спустя годы, вычитав в умном журнале, что прообразом мифического Деда Мороза принято считать в том числе и реального Святого Николая, я даже не удивился. После того памятного спектакля в нашем областном кукольном театре меня вообще уже трудно чем-либо удивить.

И вы, наверное, не удивитесь, узнав, что эта новогодняя история основана на реальном случае? Честно-честно! И персонажи её тоже реальные, все за исключением одного. Ну, вы поняли...

Хотя мне и сейчас кажется, что среди нас он – как раз самый реальный. Единственный из всех нас.

Во всяком случае я в этом никогда не сомневался. Чего и вам желаю.